

Т.Н. Чибиров

ИРАНСКИЙ СЛОЙ В ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ КОНЦЕПТА «БÆХ» («ЛОШАДЬ») В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Н. Чибиров*

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка описания репрезентации иранского слоя в языковом выражении концепта «БÆХ» («ЛОШАДЬ») в осетинском языке. В результате проведенного этимологического анализа, осуществленного на материале ряда лексико-семантических полей, было выявлено несколько слов, входящих в языковое выражение исследуемого концепта, значительная часть которого имеет преимущественно иранский характер. Таким образом, рассмотренный материал языковых данных позволил, в очередной раз, подтвердить факт этногенеза осетин, указывающий на их глубокие связи с древними ираноязычными народами, а обнаруженные осетино-европейские языковые соответствия дали возможность через призму лингвистики взглянуть на исторические события, имевшие место в достаточно отдаленном прошлом.

Ключевые слова: концепт, этимологический анализ, осетинский язык, лексико-семантическое поле, иранский слой.

Концепт «лошадь» является универсальным и функционально значимым для многих лингвокультур. Современная лингвистика проявляет интерес к национальным концептам, вот почему в российском языкознании концепт «лошадь» уже исследовался не один раз. В своей диссертационной работе Е.Н. Булатникова исследовала концепты *лошадь* и *автомобиль* в аспекте их эволюционно-семантической преемственности в русском языке (2006). Е.А. Иванова посвятила свою научную работу изучению механизмов актуализации концепта HORSE в британской лингвокультуре (2010). Отдельные аспекты концепта «лошадь» были рассмотрены Ф.Н. Гукетловой в ее диссертационном исследовании «Зооморфный код культуры в языковой картине мира» на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков (2009). В своей монографии «Метафорический образ в семиологической интерпретации» (1998, 2010) Н.А. Илюхина рассмотрела специфику описания концепта «лошадь». Также по концепту «лошадь» были написаны отдельные статьи: «Фрагмент картины мира с концептом *лошадь* в русском и китайском языках» (2001) Л.Н. Гукова, Чжоу Лу; «Концепт-предшественник и концепт-преемник: *лошадь* и *автомобиль* (на материале русского и хакасского языков)» (2012) Л.И. Бытотова.

Что же касается исследования концепта «бæх» в осетиноведении, то в последнее время по нему был написан ряд работ (Абаева Ф.О. «О семантике и символике коня бæх в свадебной обрядности осетин»; Багаев А.Б. «Фаты бæх в свадебной обрядности осетин»; Дарчиев А.В. «К вопросу о значении коня фаты бæх в свадебной обрядности осетин» и т. д.), часть из которых носит этнографический характер.

В нашем лингвистическом исследовании впервые на большом фактическом материале проводится этимологический анализ иранского слоя языкового выражения концепта «бæх» («лошадь»), а также описывается структура данного концепта в лексическом пространстве осетинского языка.

В результате проведенного нами этимологического анализа, который осуществлялся на материале ряда лексико-семантических полей (далее ЛСП), («средства описания лошади», «средства описания человека по отношению к лошади», «изделия, относящиеся к снаряжению лошади»), были обнаружены следующие слои осетинского языка: иранский, тюркский, кавказский и т. д.

Предпринятый нами этимологический анализ показал, что объем иранской лексики является наиболее многочисленным в языковом выражении концепта «БÆХ» («ЛОШАДЬ»), что представляет особый интерес, учитывая факт этногенеза осетин, доказанного рядом видных ученых (Г.-Ю. Клапрот, Вс.Ф. Миллер, В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль и др.), которые указывали на глубокие связи осетин с древними ираноязычными народами (скифы, сарматы, аланы), известными с первых дней своего появления на арене истории, как завзятые коневоды и конники [1: 256].

В ЛСП «средства описания лошади» мы имеем следующие лексические единицы (далее ЛЕ) иранского происхождения:

Ефс / *æфсæ* (диал.) – кобыла, восходит к иранскому *aspa*. По своей этимологии данное слово является общеиранским и индоевропейским: персидское *aspa*, пехлевийское *aspa*, курдское *haspa*, белуджское *aps*, *hars* 'лошадь', афганское *aspa* 'кобыла', *ās* 'лошадь', ваханское *yaš*, мунджанское *yosp*, ишкашимское *yasp*, ормури

* Чибиров Т.Н. – аспирант, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ (t4ancard@mail.ru)

yāsp, согдийское *asp*-(*sp*), авестийское *aspa*, древнеперсидское *asa*-, *aspa*-(*ivaspa*-), древнеиндийское *aśva* 'лошадь', литовское *aszvā* 'кобыла', греческое *ἵππος*, латинское *equus*, тохарское *yakwe* 'лошадь' [1: 563].

В осетинском языке также имеется некоторое количество производных, образованных от единиц *æфс* / *æфсæ* (диал.):

Æфсургъ / *æфсорхъ* или *æфсоргъ* (диал.) – чудесная порода коней (в эпосе, мифологии). Вероятно, восходит к иран. *aspa-ugra* 'мощный конь'; сравните авестийское *aspa* – конь и авестийское *ugra*, древнеиндийское *ugrā* 'мощный'. Старую форму осетинского *æфсургъ* находим в скифском *Ασπουρος* – собственное имя родоначальника династии боспорских царей (I в. н. э.), а также *Ασπύριοι* – название сарматского племени [1: 112–113].

Хæргæфс / *хæргæфсæ* (диал.) – мул, т. е. гибрид, получаемый от случки кобылы с ослом; сложено из *хæргæг* 'осел' (с выпадением второго гласного) и *æфс(æ)* т. е. *æфсæ* (диал.) / *æфс* 'кобыла' [4: 180].

В ЛСП «средства описания лошади» есть еще несколько единиц иранского происхождения:

байраг – жеребенок. В иранских языках с древнейших времен свидетельствуется основа *bar* 'ездить верхом' (авестийское *bar*, древнеперсидское *bār* в *asa-bāra* 'всадник'). Осетинский не сохранил глагольных (спрягаемых) форм этой основы, но в нем удержались две причастные формы, на *ag* и на *æg*: *bajrag* 'жеребенок', буквально 'предназначенный для верховой езды' (*ag* – суффикс, выражающий предназначение) и *baræg* 'всадник'. Сравните: пехлевийское *bārak* 'верховое животное', персидское *bāragī*, сарыкольское *wərk*, *wərak*, шугнанское *worj* 'лошадь' [1: 232].

уырс / *урс* (диал.) – жеребец. Восходит к иран. *wršan* 'самец'. Ср. персидское, пехлевийское *gušn* (из *wršna*) 'самец', персидское *Gušnasp*, армянское (из иранского) *Vsnasp* личное имя – «жеребец», лурское *vārzā* 'бык', сарыкольское *werg*, *werz*, *werc*, ишкашимское *wers*, ваханское *wušeng* (из *wršanaka*) 'бугай', согдийское *wəšn(wšn)* 'самец', авестийское *varəšna* 'самец', *varšni* 'баран', древнеиндийское *vṛṣan* 'самец', 'мужчина', литовское *veršis* 'телец', латинское *vērsis* 'бык', тохарское *kay-urs* 'самец', *kau-urse* (из *gow-wršen*) 'бык', латинское *verres* 'кабан'. Из иранского идет финское *varsa*, эстонское *vars*, карельское *varza* [откуда русское диалектическое *варжа*] 'жеребенок', возможно, также чеченское *borš*, ингушское *borša* 'бычок', даргинское *urči* 'лошадь', сванское *uršna* 'буйный человек'. Brøndal в своей статье «Mots "scythes" en nordique primitif» считает «скифским» (точнее – сарматским) вкладом ряд важных в культурно-историческом отношении

слов в европейских языках, в том числе название коня: древнесеверное *hross*, англосаксонское *hors*, английское *horse*, немецкое *ross*, средненижненемецкое, нидерландское *ors*, *ros*, французское (из германского) *rosse*, итальянское *rozza*. Эту группу Brøndal сближает с ос. *уырс* / *урс* (диал.). Исходное значение в германском было, по автору, «боевой конь» (*Acta Philologica Scandinavica*, København, 1928–1929 III 5, 9, 15, 26–27) [4: 124–125].

Данные сопоставления видного датского лингвиста приобретают особый интерес. В связи с чем нами предпринимается попытка сравнительно-исторического метода на материале осетинского и английского языков, где планируется рассмотреть закономерность сопоставления осетинского *уырс* / *урс* (диал.) с английским *horse*.

Как осетинский, так и английский являются языками-потомками общего праязыка. Являясь языками индоевропейскими, оба они входят в большую индоевропейскую языковую семью, число носителей которой, на данный момент, превышает 2,5 миллиарда человек. Несмотря на то, что оба они представляют разные языковые группы (осетинский – иранскую, а английский – германскую), сходство их в базисной лексике не должно вызывать сомнений. Сравните: *arm* / *arm* – рука; *нарæг* / *narrow* – узкий; *стъалы* / *star* – звезда; *тап* / *dark* – темный и т. д. Что же касается выявления регулярных фонетических соответствий, где осетинский лабиальный [y] в английском тождественен [h], то помимо *уырс* / *horse*, это: *уымæл* 'влажный', 'сырой' – *humid* 'влажный', 'мокрый', 'сырой'. Существуют также случаи в английском языке фонетической утраты [h], но сохранившейся орфографически, что указывает на существование данной фонемы в древнеанглийском варианте. Сравните: *уасын* 'свистеть', 'гудеть', 'играть' (на духовых инструментах), 'издавать звуки' (о животных: мычать, блеять, мяукать, кричать и т. п.) – *to whistle* [(h)wɪsl] свистеть; *уынаргъын* 'стонать', 'выть' – *to whine* [(h)waɪn] 'ныть', 'выть', 'хныкать'.

В ЛСП «средства описания лошади», а также в ядерную часть концепта «БÆХ» мы относим прилагательные, входящие в лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) «масти лошади». Следует сказать, что в отличие от русского языка, где мы употребляем отдельные прилагательные для описания мастей лошади: вороной, гнедой, сивый и т. д., в осетинском языке прилагательные *сау* (черный), *сырх* (красный, рыжий), *цъæх* (серый, синий, зеленый) имеют характер общего употребления. Следует отметить, что масть лошади является не только ее отличительной особенностью, а также указывает на ее символичность, что нашло свое отражение в

мифологии разных народов мира. К примеру, белая лошадь во многих культурах символизирует солнце, а также издревле является символом победы. Его антиподом является черный конь, который считается предвестником смерти.

В осетинской мифологии самое почитаемое божество – *Уастырдж* / *Уаскерги* (диал.) – покровитель мужчин, путников и воинов изображается в виде грозного воина на белом коне и в белой бурке [5: 149]. Само слово *урс* / *орс* (диал.) ‘белый’ восходит к иранскому *auruša* (из *aruša* с *и*-эпентезой); сравните пехлевийское *arus*, авестийское *auruša* ‘белый’, *Aurušaspa* – личное имя «имеющий белых коней», древнеиндийское *aruša* ‘красноватый’, ‘огненного цвета’. Сюда же *Аорсои* название сарматского племени ‘аорсы’, *Алауорси* ‘Белые аланы’ или ‘Аланоаорсы’ [4: 19].

Антиподом Уастырджи в осетинской мифологии в некоторых сказаниях выступает *Сау барæджы дзуар* (буквально «Святой черный всадник») – покровитель воров и разбойников. Считается, что он всегда ездит на черном коне и в черных одеждах впереди людей, отправляющихся на разбой, воровство [5: 120]. Слово *сау* ‘черный’ в осетинском языке восходит к иранскому *syāva*: персидское *siyāh*, курдское *siyāh*, белуджское (из персидского) *siyā*, сангличи *šūi*, ягнобское *sāw*, согдийское *sāw* (отложилось и в топонимах *Šavkat*), хорезмийское *sāw*, парфянское *sy’w* ‘черный’ (→ армянское *seav*), сакское *šava* ‘медно-красного цвета’, древнеиндийское *śyāva*, *śyāma* ‘темно-коричневый’, старославянское *sivъ*, русское *сивый*, древнепрусское *siwan* ‘серый’, литовское *šyvas* ‘сивый’, ‘белый’. Отложилось в топонимии расселения алан в прошлом: балкарские *Šaw-kat* название ущелья (сравните осетинское *saw kot* ‘черное ущелье’), *Šaw-dan* название реки (сравните осетинское *saw don* ‘черная река’); карачаевское *Šaw-šūgit* (осетинское *saw sigit* ‘чернозем’). Сравните также названия сарматских племен у Геродота *Σαυδαράται* = осетинскому *saw-dar-a-tæ* ‘одетые в черное’, сюда же *Σαυρομάται* ‘савроматы’ = осетинскому *saw-arm-a-tæ* ‘смуглорукие’. Из аланского идет, по-видимому, грузинское *šavi* ‘черный’ [3: 43].

В мифологии осетин Уацилла – один из самых популярных божеств, бог – громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая [5: 151]. Осетины представляют его, сидящим в огненной колеснице, везомой огненными крылатыми конями [6: 110]. Под огненными конями мы понимаем гнедых коней, что выражает осетинское *сырх* / *сурх* (диал.) – красный, т. е. рыжий; который восходит к иранскому *suxra*, арийскому *śukra* и содержит тот же корень *suk*, *suč*, который распознается в *sūzup* ‘гореть’, ‘жечь’, *sygdæg* ‘чистый’, *ræsuğd* ‘красивый’, *ræsuğ* ‘прозрачный’, *sūg* ‘дрова’; все эти слова в идеосемантическом

плане представляют дериваты ‘огня’. Персидское, таджикское *surx*, пехлевийское *surx*, курдское *sōr*, белуджские *suxr*, *soxr*, *sōr* ‘красный’, также ‘золото’, афганское *sūr*, мунджанские *sərx*, *surx* (возможно, из таджикского), *идга surx*, ишканимское, сангличи *sərx*, ваханское *səkr* ‘красный’, сакское *suraa* ‘чистый’, авестийское *suxra* ‘красный’, древнеиндийские *śukra*, *śukla* ‘яркий’, ‘блестящий’, ‘белый’. Данное слово представлено также в названиях болезней, связанных с сыпью и покраснением кожи, сравните таджикские *surxča*, *suxrakūn* ‘корь’, ингушское (из осетинского) *suxraš*, чеченское *surx* ‘прыщ’, ‘угорь’ [3: 209–210 с.].

Еще одну масть *бур* – буланый (буквально желтый) мы относим к иранскому слою осетинского языка, хотя, согласно В.И. Абаеву, оно восходит к старому субстратному евроазиатскому слову, представленному в различных языковых группах. Неотделимо, с одной стороны, от русского *бурий*, с другой – от персидского *būr*, *bōr* ‘бурий’, ‘ржавый’, ‘желтый’, язгулямского *bər*, шугнанского *vūr*, мунджанского *vūr*, ягнобского *vur*. В германских языках мы имеем *brūn* ‘коричневый’, *bero* ‘медведь’ и др.; в тюркско-монгольских: монгольское *boro*, тюркские *bora*, *boro*, *boz* ‘цвета земли’, ‘серый’, *qəzəl-boz* ‘рыжий, буланый (о лошади)»; в кавказских: сванское *burğwa* ‘темно-рыжий (бык)’, агульское *buref* ‘серый’, ‘коричневый’ и др.; с перебоем *b* → *m* сравните осетинское *moræ* ‘коричневый’, грузинское *tura* ‘бурий’. Слово, несомненно, бытовало в скифском: *Ворасттоз* – собственное имя (Танаида) = *bor* + *asp* ‘имеющий буланных коней’ [1: 271].

В ЛСП «средства описания человека по отношению к лошади» мы имеем также ряд единиц иранского происхождения.

Барæг – всадник. Восходит к *bāraka*, от несохранившегося самостоятельного глагола *bār* ‘ездить верхом’. Сравните авестийское *bar* ‘ездить верхом’, древнеперсидское *asa-bāra* ‘всадник’ (*asa* ‘лошадь’). Из многочисленных других иранских соответствий можно отметить: ягнобское *vār*, *vōra* ‘всадник’, согдийское *βākāk*, *βārē* ‘всадник’, *βārākčik*, *βārēčik* ‘верховая лошадь’, сакское *bārgya* ‘всадник’, *bāraa* (из *bāraka*) ‘верховое животное’, *ašša-bāraa* ‘всадник’, пехлевийское *bārak*, персидское *bāragī* ‘лошадь’, сарыкольское *wərok*, *worak* ‘лошадь’, шугнанское *worj* ‘лошадь’. К осетинскому примыкает чеченское *berij*, ингушское *bārij* ‘молодец’, ‘удалец’, ‘джигит’. Исчезновение глагола *bar* в значении ‘ездить верхом’ связано, вероятно, с тем, что в осетинском есть еще два глагола такого же звучания: *барын* ‘взвешивать’ и *барын* ‘прощать’ [1: 236–237].

Также в данное ЛСП входят ЛЕ *саргъгæнæг* – седельник, мастер, изготавливающий седла; и *идонгæнæг* – шорник; образованные от единиц

саргъ – седло и *уидон* / *идон* – уздечка, которые являются иранскими по происхождению и входят в ЛСП «изделия, относящиеся к снаряжению лошади», о чем будет сказано ниже более подробно. Согласно В.И. Абаеву, вся терминология, связанная с верховой ездой (в том числе и снаряжение лошади), имеет исконно иранское наследие [3: 35].

Æгъдæнцой / *æгъдинцойнæ* (диал.) – стремя. Образовано из *агъд* – бедро (иранское слово, сравните: пехлевийское *haxt*, курдское *hêt*, сакское *hutā*, авестийское *haxt*, древнеиндийское *sakthi* ‘ляжка’, ‘бедро’ [1: 37]) и *æнцой* – покой, отдых, подпорка (восходит к иранскому *ham-č(y) āna* от *č(y)ā* ‘покориться’, ‘успокоение’ [1: 152]) буквально ‘опора бедра’; сравните по структуре сарыкольское *radh-bun* ‘стремя’, буквально ‘опора ноги’ [1: 123].

Æхтонг – подпруга, буквально «скрепляющий (æх) ремень (тонг)». Элемент *æх* мы находим в *æгънæг* (из *æх-нæг*) ‘застежка’, *æх-кæнын* ‘запирать’. Предполагая частое в осетинском языке выпадение *р* перед согласным, мы восстанавливаем *æх* в *æрх* и относим сюда же дигорское *æрху* ‘запертый’, *арх* ‘сук’, *æрхæг* ‘сустав’ и, может быть, *аркъау* ‘клещи’. Что касается второй части – *тонг*, то, хотя она отдельно не сохранилась, значение ее устанавливается бесспорно, как из сопоставления с *дыми-тонг* ‘хвостовой ремень’ (может быть, также *артъæнг* – ременная веревка), так и из иранских соответствий: сравните персидское *tang*, курдское *tang*, афганское *ta-tang* ‘подпруга’. Сюда же, возможно, сакское *ttākā* ‘подпруга’ [1: 222–223].

Дымитонг / *думетонг* (диал.) – подхвостный ремень (часть упряжи). В первой части *дым*, т. е. *дымæг* ‘хвост’, во второй *тонг* ‘ремень’. Слово *дымæг* восходит к *duma-ka*. Общеиранское слово: персидское *dum*, *dumb*, пехлевийское *dum*, *dumb*, *dumbak*, армянское (из пехлевийского) *dmak* (← *dumak*), курдское *duw*, *dunk*, белуджское *dummag*, *dīm*, афганское *læt*, мунджанское *lum*, шугнанское *ḍum*, язгулямское *ḍom*, ишкашимское *dum*, ягнобское *dum* ‘хвост’, ‘курдюк’, согдийское *ḍūm* (*ḍwm*) ‘хвост’, *ḍūmbāk* (*ḍwnp'k*) ‘хвостатый’, сакское *dumaa* (из *dumaka*), авестийское *duma* ‘хвост’. В дигорском от *dumæg* образовано производное *dumæggag* ‘пола одежды’; сравните ягнобское *dum* ‘хвост’ → ‘пола одежды’. Усвоено из персидского и осетинского в кавказские языки: армянское *dmak*, грузинское *duma* ‘курдюк’, лезгинское *ddum* ‘хвост’, чеченское *dum(a)*. Ингушское *dimij* ‘курдюк’ идет из осетинского, так как осетинское *æg* → ингушское *ij* (*baræg* → *bārij*, *maræg* → *mārij*, *tærxæg* → *tærxij*). [1: 381–382]. Относительно второй части *тонг* – ремень, она также имеет иранскую этимологию, о чем было

сказано выше, при рассмотрении единицы *æхтонг*.

Згъæллагом – удила. Сложное слово. Буквально «металл (*zǰællag* от *zǰær*) рта (*kom*)». По форме и значению *zǰællag* ‘металл’ относится к *zǰær* ‘металл-панцирь’, которое по происхождению является иранским, на что указывают соответствия в других иранских языках. Сравните афганское *z̄yara*, ормури *z̄yirə*, согдийское *zyr*, хорезмийское *zyruk* ‘броня’, ‘кольчуга’ [4: 308–309]. Вторая часть данного слова также является иранским по происхождению. Хотя прямых древнеиранских соответствий не видно, можно возводить к *kahman*, от *kah*, сравните древнеиндийское *kas-(ud-kas, vi-kas)* ‘открываться’, ‘отверзаться’. Такая этимология позволяет связать согдийское *k'yk* (← *kāhaka*), *k'k* ‘нёбо’, парачи *kāhī*, идга *kāyeko* ‘глотка’ с осетинской и другими новоиранскими формами: персидское *kām* ‘нёбо’, ‘пасть’, афганское *kūmai* ‘нёбо’, парачи *katā* ‘глотка’. Из персидского идут ваханское *kōm* ‘нёбо’, шугнанское *kōm* ‘десны’, мунджанское *kām* ‘нёбо’ и др. [1: 599].

Единица *саргъ* ‘седло’, как уже было сказано выше, имеет второй показатель по числу производных: *саргъæмбæрзæн* ‘чехол для седла’, *саргъгæнæг* ‘седельник’, *саргъгæрзæ* (диал.) ‘чересседельник’, *саргъгонд* ‘седловина’, *саргъы гопп* ‘лука седла’, *саргъикъудур* (диал.) ‘ленчик’, *саргъы баз* ‘подушка для седла’, *гопджын саргъ* ‘седло с лукой’ и т.д. Слово *саргъ* Шегрен, а за ним В.с. Миллер и Hübschmann относили к числу заимствованных из арабского (*sarj* ‘седло’). Однако после того, как слово было обнаружено в согдийском, приходится ставить вопрос иначе: не заимствовано ли арабское *sarj* из иранского? Сравните персидское *sarj* (из *sarg* под арабским влиянием), афганское *sary*, согдийское *sayr* (*s'yr*) ‘седло’, хорезмийское *sayt* ‘верблюжье седло’. – Древнеиранский прототип слова *sayr*, *sayr* остается неясным. Возможна этимологическая связь с греческим *σαῦρα* рядом с *σάγμα* ‘(вьючное) седло’, персидским *say* ‘верх’, ‘свод’, ‘крыша’. Из согдийского идет тюркское *sayrə*, *savrə*, *saure* ‘круп лошади’, откуда русское (диалектическое сибирское) *савры* ‘тебеньки седельные’, ‘кожаные подколенники у седла’ [3: 34–35].

Слово *уидон*, *идон* / *йидонæ* (диал.) ‘узда’ и *уидадз* ‘поводья’ восходят соответственно к *wi-dā-na* и *wi-dā-ti*, содержат корень *dā*, индоевропейское *dhē* ‘класть’, ‘устанавливать’, ‘надевать’ и прочее и означает буквально «надетое» (кстати, русское *на-де-ть* включает тот же корень *dhē*). Иранские формы восходят частью к *wi-dā-na*, частью к *abi-dā-na* (*abi-dā-ni*), частью к *dā-na*: сарыкольское *viḍūn*, язгулямское *avḍen*, ишкашимское *daana*, сангличи *dāna*, идга, мунджанское *avlān*, ванечи *avlūn*, афганское *mlūna*, согдийское *avḍān* (*βḍ"nh*), хорезмийское *aβzān*, сак-

ское *byāna*, авестийское *aiwiḍāna* 'узда', *zaranyō-aiwiḍāna* = осетинскому *зæрин-уидон* «с золотой (отделанной золотом) уздечкой», древнеиндийское *abhidhānī* 'узда', 'недоуздок'. Hübschmann и Всеволод Миллер сближали осетинское *widon* непосредственно с авестийским *aiwiḍāna*. Но, как справедливо отметил Benveniste, из *abidāna* имели бы осетинское *ævdon* (или *ivdon*), но не *widon*. Вместе с тем Benveniste ошибочно отделяет *widon* от *widaḡ*, возводя последнее к *vitāḡa*. Широкий спектр значений глагольной базы *dā*, древнеиндийское *dhā*, породил аналогичные по образованию, но различные по значению слова – 'седло' («то, что наложено»), 'потолок' («то, что покрывает»), 'шатер' («то, что поставлено»), 'название' (то, что прикреплено к предмету): шагнунские *biḍān* 'седло', *wiḍūn*, *wiḍūm* 'потолок'; сакское *byāna* 'узда', пехлевийские *wiyān*, *widan*, парфянское *widān*, белуджское *gidan* 'шатер', авестийское *aiwiḍātī*, древнеиндийское *abhidhāna* 'название', 'имя'. Сравните также по образованию древнеиндийское *abhidhā* 'запрягать', *vidhāna* 'управляющий', 'направляющий'. Вся терминология конской сбруи в осетин-

ском относится к исконно иранскому наследию: *widaḡ* 'поводья', *sarḡ* 'седло', *æxtong* 'подпруга', *dymītong* 'хвостовой ремень', *æḡdæncōj* 'стремя', *zḡællagkom* 'удила', *jæxs* 'плеть' [4: 107].

К сожалению, формат данной статьи не позволяет нам рассмотреть все слова иранского происхождения, входящие в языковое выражение концепта «БÆХ», но в любом случае упомянем их: *æфтаугæ* 'попона', *ex* 'плеть', *рагъбæттæн* 'чересседельник', *уæрдон* 'арба' и т. д.

В заключение следует отметить, что иранский слой представлен во всех трех ЛСП базового слоя исследуемого нами концепта. Особо богато данная репрезентация выражена в ЛСП «изделия, относящиеся к снаряжению лошади», что косвенно подтверждает факт этногенеза осетин и их глубокую связь с ираноязычными племенами (скифами, сарматами, аланами). В результате проведенного этимологического анализа нам удалось обнаружить отдельные осетино-европейские соответствия, что позволило через призму лингвистики взглянуть на исторические события, имевшие место в достаточно отдаленном прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 655 с.
2. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. – Л.: Наука, 1973. 448 с.
3. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. – Л.: Наука, 1979. 358 с.

4. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. – Л.: Наука, 1989. 325 с.
5. **Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М.** Этнография и мифология осетин. – Владикавказ, 1994. 284 с.
6. **Чибиров Л.А.** Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. I. – Цхинвали: Ирыстон, 1981. 303 с.

THE IRANIAN STRATUM IN THE LINGUISTIC EXPRESSION OF THE CONCEPT “БÆХ” (“HORSE”) IN OSSETIAN

T.N. Chibirov

Postgraduate of NOSU, Vladikavcas (t4ancard@mail.ru)

Abstract. In this article the first attempt has been made to describe the representation of the Iranian stratum in the linguistic expression of the concept “БÆХ” (“HORSE”) in Ossetic. As a result of our etymological analysis, which has been carried out according to the material of a number of lexical semantic classes, several stratums represented in the linguistic expression of the concept we study have been revealed, and also the fact that a significant proportion of the units that have predominantly Iranian nature has been found out. Thus, the material of the language data, made it possible to confirm the fact of the Ossets' ethnogeny which also indicates their connection with the ancient Iranian-speaking tribes. And having found the Ossetic-European language conformities allowed us to take a look at the historical events through the prism of linguistics that had taken place in a fairly distant past.

Keywords: concept, etymological analysis, Ossetic, lexical semantic class, Iranian stratum.